

Каминский Флавий Аркадьевич

РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ КООПЕРАТИВНОГО И КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье рассматривается кооперативное и коллективное строительство в сельских поселениях сибирских казаков в период новой экономической политики советского государства. Особое внимание автор обращает на основные тенденции и трудности в процессе образования коллективных хозяйств по инициативе советских органов на местах и роль кооперации в трансформации привычных приёмов и устоев, характерных для традиционного ведения хозяйства казачьей общиной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/6/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (108). С. 28-32. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

не характерна для стран романо-германской правовой семьи, и введение института уголовной ответственности юридических лиц может повлечь нестабильность национального уголовного законодательства.

Таким образом, следует отметить, что вопрос об увеличении эффективности мер по борьбе с наркотическими преступлениями действительно является острым, однако введение уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступлений данной группы не представляется целесообразным.

Список литературы

1. **Богдановская В. А.** Анализ правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 73-80.
2. **Всемирный доклад о наркотиках Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности 2015** [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R.pdf (дата обращения: 28.05.2016).
3. **Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации** от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. **Крылова Н. Е.** Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учеб. пособие / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2009. С. 75-109.
5. **О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц** [Электронный ресурс]: Законопроект № 750443-6. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6> (дата обращения: 20.05.2016).
6. **Организация Объединенных Наций.** Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом о поправках к Единой конвенции о наркотических веществах 1961 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_drugs.shtml (дата обращения: 01.06.2016).
7. **Таганцев Н. С.** Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1874. Книга 1. Учение о преступлении. 284 с.
8. **Уголовное право России. Части Общая и Особенная:** учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 2008. 321 с.
9. **Уголовно-правовое воздействие:** монография / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 288 с.
10. **Федоров А. В.** Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1 (34). С. 33-35.

**IMPOSING CRIMINAL RESPONSIBILITY OF JURIDICAL PERSONS FOR DRUG CRIMES:
PRO AND CONTRA**

Idrisov Nail' Talgatovich, Ph. D. in Law

*Samara National Research University named after academician S. P. Korolev
nail070@mail.ru*

The article examines the conception of juridical persons' criminal responsibility, which is represented in a draft law that was introduced in the State Duma of the Russian Federation in 2015, and analyzes the advantages and shortcomings of introducing this legal institution in Russia. The paper aims to study alternative views of scientists on the mentioned problem and to justify the author's opinion on this issue. Considering the international law norms, the specifics of the national legislation and using the forecast method the researcher concludes on the impossibility to apply the institution of juridical persons' criminal responsibility for drug crimes in Russia.

Key words and phrases: criminal law; criminal responsibility of juridical persons; juridical persons' criminal responsibility for drug crimes; international law; subjectivistic approach.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается кооперативное и коллективное строительство в сельских поселениях сибирских казаков в период новой экономической политики советского государства. Особое внимание автор обращает на основные тенденции и трудности в процессе образования коллективных хозяйств по инициативе советских органов на местах и роль кооперации в трансформации привычных приёмов и устоев, характерных для традиционного ведения хозяйства казачьей общиной.

Ключевые слова и фразы: кооперация; совхоз; коммуна; маслоартель; крестьянский комитет оказания взаимопомощи.

Каминский Флавий Аркадьевич, к.и.н., доцент

*Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки
info@magkmusic.com*

**РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ КООПЕРАТИВНОГО И КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВ
НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

После окончания гражданской войны великий преобразовательный процесс охватил всю совокупность ранее сложившихся производственных отношений в российской экономике. Приобретение советским государством

в собственности практически всех основных орудий труда и средств производства еще не решило главной задачи в сфере экономики – создание качественно нового способа производства. Для построения социалистического общества необходима была совершенно новая система производственных отношений, в основе которой должны лежать коллективный труд и кооперация. Наибольшую сложность для советской власти представляла не реорганизация экспроприированной промышленности, а реконструкция и элементарный подъем производительности сельского хозяйства.

Советская власть не стремилась разрушать основы крестьянской общины, справедливо видя в ней прообраз будущих колхозов. В то же время, в период новой экономической политики, общинная форма землепользования с присущей ей неустойчивостью размеров и расположения земельных наделов отдельных хозяйств, принудительным севооборотом, чересполосицей и дальнотельем сковывала развитие производительных сил, препятствовала интенсификации и механизации земледелия, консервировала отжившие методы производства.

Казачи, традиционно проживавшие в общинах, в силу ряда объективных причин претерпевали серьезные неудобства. Лишенные былых сословных льгот и существовавшей социальной защиты, они оказались в непривычной ситуации. Обреченное принудительным севооборотом на производство определенных, по преимуществу экстенсивных, не требующих тщательного ухода культур казачье хозяйство лишилось возможности быстро и гибко приспосабливаться к постоянно меняющимся требованиям рынка.

Национализация земли в значительной мере расширила возможности государственного вмешательства в земельные порядки в казачьей среде. Важнейшим орудием прямого воздействия государства на организацию и развитие пользования землей служило землеустройство. Власти, всячески содействуя маломощным хозяйствам в производственной деятельности путем искусственного их объединения, одновременно ограничивали зажиточные слои в их желании разбогатеть, чем, по сути, сдерживали развитие ими же поощряемых в тот период товарно-денежных отношений и рыночных принципов ведения хозяйства.

Но создаваемые в первые годы советской власти коммуны и совхозы не оправдали себя как в годы «военного коммунизма», так и в годы НЭПа – крепкий середняк по-прежнему оставался основным производителем товарной продукции. Первые коллективные хозяйства на землях Сибирского казачьего войска (СКВ) начали образовываться сразу после ухода белогвардейцев, но их образование было вызвано в большей степени стремлением обедневшего и разорившегося казачества воспользоваться льготами, предоставляемыми в связи с этим государством. В целом же бедняцкая прослойка не представляла целей и задач коллективизации и, когда поток льгот сократился, значительная часть ранее созданных колхозов распалась. Если в 1921 году по Омской губернии насчитывалось коммун – 96, а артелей – 137, то через два года уже 49 коммун и 99 артелей.

Государство через земельные органы вкладывало в коммуны капитал и тем самым экономически их контролировало, что означало на деле и административный контроль. Отдельные коммуны получали столько земли, что не в силах были ее обработать. К тому же сибирское многоземелье позволяло в среднем выделять земли в семь раз больше на отдельную коммуну, чем в европейской части России. Например, коммуна «Юный пахарь» имела в начале 1921 года 3920 десятин, коммуна «Труд Ленина» – 1350 десятин при среднем количестве в 25 трудоспособных на коммуну [3, с. 25]. К тому же инструкция Омского Губревкома еще весной 1920 года предписывала выделение колхозам лучших земель [Там же, с. 11].

Эти производственные коллективные объединения с довольно вычурными названиями («Путь любви», «Солнце», «Луна», «Любовь пахаря», «Труд Ленина» и т.д.) возникали в основном на бывших офицерских участках и на запасных войсковых землях. Поэтому их образование не затрагивало в целом земельные интересы староодежных поселенцев из казачьей и разночинской среды [2, д. 688, л. 56].

Большая часть из них оказалась нежизнеспособной, некоторые распались еще в 1921-1922 годах, не выдержав испытаний голода. Многие коммуны даже при поддержке государства еле могли прокормить себя. В материалах обследования совхоза «Красный маяк» особой контрольной комиссией в августе 1924 года засвидетельствовано, что при пашне в 470 десятин рабочих лошадей в наличии всего 7, коров – 8, овец – 6, поросят – 2. В совхозе трудятся девять рабочих [Там же, л. 70].

При обследовании совхоза «Возрождение» в 1925 году было установлено, что: «хозяйство велось неумело, бессистемно и подчас преступно..., севооборота введено не было. Паров и посева в 1925 году заготовлено не было...»

Процент изношенности сельхозинвентаря *из-за неправильного хранения* достиг 90%.

Дисциплины нет никакой, рабочие не знали своих обязанностей. Анархия в расчетах и безразличие к хозяйству» [1, д. 688, л. 328].

Неудивительно, что закрытие коммун и совхозов большей частью шло по инициативе земорганов.

Неопытность, иждивенчество, расхлябанность, отсутствие реально выраженных материальных стимулов к труду, преступная халатность, безразличие, приводившие к развалу коммун и совхозов, впоследствии сыграли немалую роль в нежелании многих казаков и крестьян идти в колхозы в годы массовой коллективизации. Данные объединения оказались нежизнестойкими в условиях товарного производства. Искусственно содержать их себе в убыток в тогдашних условиях было невыгодно, ибо те же совхозы и колхозы задумывались не как богадельни, а как государственные «фабрики зерна». Главным кормильцем страны в начале НЭПа по-прежнему остается еще не оправившееся от продрозверстки индивидуальное мелкотоварное хозяйство с элементами рыночных отношений.

Наиболее распространенной формой экономических взаимосвязей обособленных друг от друга в процессе производства единоличных хозяйств и всех их вместе с промышленностью, с обществом в целом был товарообмен продуктами, осуществляемый через рынок. Именно в форме товарного общения и возникают

первоначальные структуры хозяйственного объединения и сотрудничества мелких производителей – различные виды торговой и кредитной кооперации. Их хозяйственное назначение состояло в том, чтобы предоставить мелкому производителю выгоды крупного сбыта и снабжения, возможность пользоваться дешевым и эффективным кредитом, избавить своих членов от непредсказуемости и превратности рыночных отношений.

Первоначально в казачьих районах бывшего СКВ получили распространение универсальные сельскохозяйственные товарищества, выполнявшие весь или почти весь комплекс функций сельскохозяйственной кооперации – снабжение и сбыт, переработка продуктов и т.п. При этом свои операции эти товарищества выполняли в полном объеме, без какой-либо специализации на производстве, при переработке или сбыте тех или иных сельскохозяйственных продуктов. Такой характер деятельности в большей мере соответствовал состоянию казачьего хозяйства в условиях послевоенной разрухи и нарушения ранее сложившихся экономических связей, когда бывшая специализация отдельных районов на производстве определенного вида продукта оказалась подорванной, а натурально-потребительский характер мелкого индивидуального производства усилился.

В отличие от потребительской кооперации, пользование услугами которой могло быть ограничено личными потребностями ее членов, деятельность сельхозкооперации была направлена на обслуживание нужд всего хозяйства. В силу того, что работа в сельхозобъединениях, по сравнению с торговыми, требовала больших затрат труда, количество сельхозартелей было относительно невелико: из 1817 кооперативов, зарегистрированных в 1924 году, их было 111 [8, с. 216]. Это были простейшие производственные объединения, в которых при сохранении самих единоличных хозяйств как самостоятельной производственной единицы появились элементы общественной собственности на средства производства. Они выступали в основном в форме различных товариществ по совместной деятельности – обработке земли, пчеловодческих, коневодческих, бахчеводческих и других.

Кредитные товарищества того времени тоже были универсальными, поскольку они выполняли не только кредитные, но и все другие операции по обслуживанию казачьего хозяйства – скорее, это были сельскохозяйственные кооперативы с кредитными функциями. В 1924 году в Омской губернии из 1817 кооперативов, объединивших 302398 хозяйств, 108 были кредитными [Там же].

Основная масса кооперативных объединений специализировалась на маслоделии, что с начала XX века стало традиционным и довольно прибыльным промыслом для всего западносибирского региона. Активное производство масла было напрямую связано с началом функционирования Транссибирской магистрали и усилившимся в связи с проведением аграрной реформы переселенческим потоком в Сибирь и на Дальний Восток. К тому же условия (лесостепь, достаточные влажность и температура для роста луговых трав и т.д.) способствовали выращиванию крупного рогатого скота. Еще до революции маслоделие среди казаков стало довольно заметной статьей дохода. По данным статистических отчетов в 1907 году на территории войска действовало 66 маслозаводов, давших 62531 пуд масла [5, с. 321]. В 1914 году только на продажу было произведено 650710 пудов 29 фунтов масла [6, с. 211].

При советской власти процесс сохраняет свою динамику.

До революции в возникновении кооперативных объединений преобладали стихийные начала, основанные на жестких законах рыночной конкуренции, и поэтому самые жизнестойкие формы кооперации получали в результате естественного отбора право на существование, ибо сама кооперация в то время была проводником рыночных форм хозяйствования. В период новой экономической политики кооперативное движение сознательно стимулировалось и направлялось государством, а для коммунистов участие в кооперативах до 1923 года было обязательным. В рамках тогдашних стратегических установок именно через кооперацию крестьяне должны были прийти к коллективным формам хозяйства, а впоследствии, в массе своей, – к колхозам.

В годы новой экономической политики получила свое развитие промысловая кооперация, что было вызвано дальнейшим усложнением хозяйственной жизни казачьего общества, необходимостью изыскивать новые источники доходов на покрытие все увеличивавшихся издержек и налогов, ранее не имевшихся у казаков. Если в 1920 году число хозяйств, занимавшихся промыслами, составляло 7,5% от общего количества, то в 1924 году – 36,9% [10, с. 205].

Кооперативное движение стимулировало развитие казачьего двора, отрывало его все больше от общинных традиций и связей. С 1926 года наблюдается преобладание количества производственных кооперативов над сбытовыми, что отчасти объясняется тем, что развитие кооперации на базе рыночных отношений сокращалось, особенно в области кредитных и сбытовых операций, потому что данные функции прибирало к своим рукам государство. Смена политического курса от поддержки крепкого хозяина к созданию массовых коллективных хозяйств неизбежно породила стимулирование производственных объединений, как прообразов будущих колхозов, где также предполагалось объединение средств производства, а заготовительные и распределительные функции переходили государству. Нужно отметить, что крестьяне, быстрее приспособившиеся к новым условиям, чем казаки, активнее пополняли число членов производственных объединений.

Продолжает сокращаться к 1926 году количество коммун и артелей, созданных в начале 1920-х годов, потому что в условиях рынка эти объединения, в основном включавшие в себя маломощные хозяйства, проедали ими произведенный продукт и содержались главным образом за счет поддержки государства. К 1927 году на территории бывшего СКВ бедняков в коммунах было 82,4%, а в сельхозартелях – 73,6% [3, с. 81].

Это хорошо сознавали местные власти и старались на местах оживить процесс по образованию и поддержке немногочисленных коллективных хозяйств. Газета Оренбургского исполкома «Степная правда» писала: «Основу создания крупных и мелких комбинированных хозяйств в данное время можно найти только в дружном

коллективном творчестве, с помощью государства, на кредитных началах. Что касается совхозов, то нужно теперь отступить от старых методов централизации, перевести их на хозрасчет и собственный бюджет, не вводя их в шаблонные плановые рамки, ибо эта система убивает самостоятельную инициативу, порождает большую волокиту и подчас заставляет выполнять ненужную работу, которая совершенно не соответствует данному времени. Убиваются средства и создается подневольный труд, который не всегда понимается рабочими и администрацией колхоза. Нужно немедленно приступить к децентрализации с одной стороны и выделению совхозов специального назначения с другой стороны, оставив за земорганами только общее руководство» [9].

Основная работа по созданию и поддержке коллективных форм хозяйствования ложилась на низовые ячейки исполнительной власти на местах – сельсоветы. На них лежало и распределение помощи среди нуждающихся хозяйств и организация ККОВ – крестьянских комитетов оказания взаимопомощи.

ККОВ играли роль своеобразной социальной защиты и поддержки, в первую очередь беднейшего населения. Крестьянским комитетам оказания взаимопомощи выделяли землю из государственного земельного запаса и лугового фонда [4, д. 14, л. 12], при этом запрещались наемный труд и субаренда. Они должны были стать активными распространителями агротехнических знаний и передовых приемов земледелия. Однако анализ регулярных отчетов сельсоветов показывает, что экономически ККОВ были довольно слабы, несмотря на то, что уездные власти передавали им технику и малые предприятия, частично распределительные и фискальные функции [Там же].

Отношение к комитетам у населения было пассивным, желание входить в них изъявляли немногие – в основном, бедные казаки, которым нечего было терять. Это вполне объяснимо: середняк старался избегать подобных организаций, ибо участие в них ложилось дополнительной нагрузкой на собственное хозяйство, где господствовал ручной труд и постоянно ощущалась нехватка рабочих рук, особенно в страдную пору.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на определенные усилия местных властей по пропаганде и поддержке коллективных хозяйств, личная заинтересованность производителя приносила более высокие результаты, чем предполагаемая коллективная сознательность. По-прежнему преобладающим являлось мелкотоварное производство с элементами рыночных отношений. Изменились к 1926 году темпы развития хозяйств. Носившая классовый характер налоговая политика, заключавшаяся в усиленном налогообложении хозяйств, применявших наемный труд, берущих в аренду землю, имевших значительное количество рабочего скота, привела к замедлению прироста посевов и поголовья скота у зажиточных казаков. В 1924-1925 годах середняк платил в 4 раза, а зажиточный хозяин – в 14,5 раза больше сельхозналога, чем бедняк [7, с. 470].

В условиях НЭПа подлинного рынка не состоялось. Сокращалось задавленное налогами предпринимательство, снижалась покупательная способность населения. Последующая коллективизация не смогла поднять благосостояние казачьих дворов до уровня, который они имели даже в разрушенной под воздействием политических и экономических изменений общине. Кооперация, утвердившаяся в казачьих районах еще в рыночных условиях дореволюционного периода, не получила должного развития. При советской власти целью развития кооперативного движения было не создание оптимальных условий для производителя на основе взаимной выгоды, а обеспечение дополнительных поступлений продуктов для населения, а также вовлечение сельских жителей в производственные объединения и товарищества, что можно рассматривать как подготовку к предстоящему массовому коллективному ведению хозяйства.

Немногочисленными в казачьих районах были коммуны и совхозы, которые объединяли преимущественно маломощные дворы, чьи хозяева не надеялись самостоятельно выбиться из нужды. Товарная отдача первых коллективных хозяйств была незначительна, больше было убытков. Эти объединения по существу превращались в богадельни, бремя для государства. В казачьей среде, где при достатке земли и отлаженной системе взаимопомощи внутри общины бедными становились попавшие в случайное стечение обстоятельств, физически немощные, а чаще бездельные и пьющие хозяева, идея коллективного объединения не была популярной. Нежелание казаков идти в коммуну и совхозы, распад коллективных трудовых объединений, несмотря на существенную поддержку со стороны государства, носили повсеместный характер. Чуть встав на ноги, окрепший земледелец покидал колхоз. Ставка на бедняка, которому искусственно улучшали стартовые условия, оказалась несостоятельной – государству нужна была, в первую очередь, товарная продукция села. Хлеб в тот момент имелся у середняцких и зажиточных слоев населения, которые ни в ККОВах, ни в колхозах не нуждались. Необходимо было пересмотреть стратегическую линию партии и государства для того, чтобы обеспечить стабильное и бесперебойное поступление дешевого хлеба по твердым ценам в государственные закрома, что привело впоследствии к наступлению на зажиточные слои и борьбе за вовлечение в колхозы середняка, к насильственной массовой коллективизации и раскулачиванию.

Список литературы

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-28. Оп. 1.
2. ГАОО. Ф. 209. Оп. 1.
3. Касьян А. И. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период. Омск, 1976.
4. Магнитогорский филиал Государственного архива Челябинской области (МФ ГАЧО). Ф. 109. Оп. 1.
5. Отчет Сибирского Казачьего войска за 1907 г. Омск, 1908.
6. Отчет Сибирского Казачьего войска за 1916 г. Омск, 1917.
7. Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.
8. Сборник материалов к волостной беспартийной конференции. Омск, 1924.
9. Степная правда. 1922. 26 марта.
10. Хозяйство и строительство Омской губернии. Омск, 1925.

DEVELOPING COOPERATIVE MOVEMENT AND COLLECTIVE FARMS WITHIN THE TERRITORY OF THE FORMER SIBERIAN COSSACK HOST IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

Kaminskii Flavii Arkad'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Magnitogorsk State Conservatory (Academy) named after M. I. Glinka
info@magkmusic.com

The article examines the development of cooperatives and collective farms in the Siberian Cossacks' rural settlements in the period of the new economic policy of the Soviet state. The author focuses on the basic tendencies and difficulties while forming collective farms on the initiative of the local Soviet bodies and analyzes the role of cooperation in the transformation of habitual practices and styles typical for traditional Cossack housekeeping.

Key words and phrases: cooperation; state farm; commune; oil producers cooperative; peasant mutual assistance committee.

УДК 378.147.88

Педагогические науки

В статье рассмотрены вопросы повышения мотивации осознанного познавательного процесса у студентов прикладного бакалавриата. Обосновано использование интерактивных форм обучения для повышения компетентности и установления эмоционального контакта между студентами в учебной группе. Сформулированы правила работы с интерактивными формами обучения в процессе приобретения студентами знаний. Основное внимание авторы уделяют совершенствованию профессиональных навыков, получаемых в процессе обучения, и конкурентоспособности выпускников.

Ключевые слова и фразы: интерактивная форма обучения; прикладной бакалавриат; компетентность; профессиональные навыки; знания; повышение эффективности; комфортные условия обучения.

Козьмина Ирина Сергеевна, к.т.н., доцент
Максимов Роман Сергеевич
Клыков Алексей Дмитриевич
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
kozminais@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА У СТУДЕНТОВ ПРИКЛАДНОГО БАКАЛАВРИАТА

Современные требования, предъявляемые работодателями к выпускникам, обусловлены быстрым развитием производственных технологий. Специалисты должны быть высококвалифицированными, компетентными, конкурентоспособными и мобильными, а это возможно в случае обладания не только знанием фундаментальных наук, но и профессиональными навыками, необходимыми для начала работы после окончания вуза без дополнительных стажировок. Поэтому возникла необходимость создания нового качественного уровня высшего образования – прикладного бакалавриата.

Направление подготовки «прикладной бакалавриат» в РФ появилось в 2009 году. Тогда были поставлены требования к структуре, условиям реализации и результатам обучения данного направления подготовки. Основой прикладного бакалавриата служили образовательные программы среднего профессионального образования, нацеленные на обучение студентов практическим навыкам работы на производстве и одновременно дававшие им серьезную теоретическую базу знаний. Студенты обучаются по программе прикладного бакалавриата в основном учебном потоке. Поэтому необходимы внедрение новых современных подходов и методов обучения, а также улучшение внутренней психологической структуры и атмосферы отдельно взятой группы прикладного бакалавриата.

Современные методы ориентированы на внесение в процесс обучения новизны, необходимой при современной динамике развития жизни и деятельности. Разрабатываемые подходы отражают специфику технологий обучения прикладного бакалавриата и потребности общества и государства в данных специалистах и выработке у обучаемых полезных знаний, профессиональных отношений и опыта поведения на производстве. При разработке методик проведения занятий нужно делать акцент на управление не личностью, а процессом ее развития, с использованием приемов опосредованного педагогического воздействия, выдвигающего на первый план диалогические методы общения, совместный поиск истины, развитие творческой деятельности. Основные современные подходы связаны сегодня с применением интерактивных методов обучения, данное название к нам пришло из английского языка от слова *interact* (*inter* – взаимный, *act* – действовать).

Кроме интерактивного, существуют еще пассивный и активный методы обучения. Интерактивный метод является самым продуктивным среди этих трёх, поскольку такая форма обучения призвана пробудить интерес